

♥ Павел Макаров для ADAM bol

Булат Мекебаев – красивый гунн

Художник Булат Мекебаев, казах по национальности, живущий в Берлине, многодетный, любящий отец, чтящий своих родителей сын, заботливый муж, отменный кулинар и очень хороший человек (а это, поверьте, не так уж и мало). Ко всем своим человеческим достоинствам он еще и великолепный художник, неподражаемый рассказчик и надежный друг.

МАКАРОВ: Булат, ты более двадцати лет живешь в Берлине. А какое отношение у тебя к Казахстану сегодня?

МЕКЕБАЕВ: Сказать, что я люблю Казахстан, это ничего не сказать. Это ведь моя страна, там могилы моих предков. Два года тому назад, когда в Казахстане проходили мои выставки, я сумел перезахоронить тело своего отца, и теперь он покоится на родине в Кокчетаве. Это святая для меня земля, земля всех моих поколений.

Меня всегда тянет в Казахстан, поэтому я болезненно воспринимаю все, что связано с ним. Когда я разговариваю в Казахстане с людьми в их кабинетах или домах, то самое удивительное, что, начиная от дворничихи и участкового и кончая кабинетами чиновников, меня всегда удивляет, что везде висят портреты **Назарбаева**. Для меня это и странно, и даже как-то неловко. Неужели людей история ничему не учит. Ведь были старые времена, начиная с **Ленина**, **Сталина**, **Брежнев**, когда на каждом углу, в любом кабинете висели их портреты.

МАКАРОВ: Видимо, это пережитки прошлого. Вот и живут по инерции.

МЕКЕБАЕВ: А мне стыдно. Ведь президент – это тот, кто должен служить человеку, народу, обществу, а не наоборот. Он глава республики, а вовсе не Бог. В Германии, к примеру, нигде не висят портреты **Ангелы Меркель**, этого просто не может быть. А я был и бываю во многих учреждениях, крупных и мелких, и нигде не видел ее изображения. Портреты государственных лиц появляются только в связи с выборами.

Однажды в Германии проходила реклама нижнего белья, и госпожу Меркель на плакате одели в трусики. Это был единственный раз, когда ее портрет провисел в центре Берлина неделю, но потом и его убрали. Видимо, сочли, что это не совсем корректно.

В Казахстане я беседовал с людьми и пытался узнать у них, зачем эта показуха и почему у них так много портретов президента. И мне было приятно, что после моих бесед в школе, да и в других местах, где я

был, начали снимать эти «образы».

МАКАРОВ: Что же, по-твоему, определяет величие страны?

МЕКЕБАЕВ: История. Каждый казах по большей части знает и уважает свою историю. Когда разговариваешь со стариками, они в первую очередь спрашивают – какого ты рода. А род – это твоя спина, твой тыл, твоё прошлое и настоящее. Когда ты знаешь свой род, свою историю – это очень и очень важно. Как говорил **доктор Геббельс**: «Отберите у народа историю – сначала получите толпу, а потом стадо». Это же касается и языка, потому что через 100 лет народ станет этим стадом, а стадом управлять всегда легче.

МАКАРОВ: Хорошо ли и много ли в мире знают о Казахстане?

МЕКЕБАЕВ: К сожалению, в мире мало знают о Казахстане и казахах. К примеру, когда я говорю, что приехал из Казахстана, то многие удивляются – где это? Очевидно, что в Германии это происходит оттого, что приезжают переселенцы-немцы, и у здешних немцев складывается впечатление, что в Казахстане живут русские люди. Когда я был в Китае, то там тоже сильно удивлялись, что я выгляжу не как русский. Они всерьез спрашивали, неужели именно так выглядят натуральные казахи. У китайцев, да и во всем мире тоже, представление о казахах как о европейцах, и, соответственно, выглядеть мы должны как европейцы.

Лет 5 тому назад на земле Байрона в Германии проводили опрос среди населения: знают ли они что-нибудь о Казахстане. Лишь два процента слышали о нашей стране. Об узбеках знал один процент опрошенных. Может быть, сейчас что-то поменялось.

МАКАРОВ: Каким человеком может гордиться твоя страна Казахстан?

МЕКЕБАЕВ: **Абай Кунанбаев**. Наш великий поэт, композитор, мыслитель и общественный деятель. В Берлине есть улица его имени. Несколько лет тому назад под эгидой ЮНЕСКО проходил год Абая. Как-то меня пригласил на встречу посол Казахстана в Германии и рассказал об идее установить памятник Абаю в Берлине возле нашего посольства. Как раз рядом и улица его имени. Все, казалось бы, логично. Мои друзья-архитекторы выполнили все подготовительные работы, соорудили задник для будущего памятника. Я сделал макет памятника, будущей скульптуры из бронзы высотой в два с половиной метра. Была проведена огромная работа с правительством Германии, поскольку нужно было получить официально кусок земли под установку памятника.

Вопрос решался на самом высоком уровне, во всех инстанциях, вплоть до того, что требовалось убрать несколько деревьев под площадку будущего монумента, мы согласовали и этот вопрос. В Германии все деревья подсчитаны и ничего просто так спилить нельзя. Была проведена немислимая работа над этим действительно большим проектом. Были выделены деньги. И так совпало, что именно это был год Казахстана в Германии. Прилетел в Берлин президент Назарбаев открывать этот самый год Казахстана в Германии. В перерыве ему представили наш проект, и последовал ответ: «Что это?! Наш Абай будет стоять где-то на периферии. Вот если бы памятник стоял в центре Берлина, то тогда другое дело». Это все равно, что памятник **Мао Цзэдуну** поставить рядом с Эйфелевой башней. На это же никто не пойдет.

Очень жаль, что человек не понимает, что это был бы первый памятник казаху, который появился бы на немецкой земле. И люди, что проходили бы мимо, могли узнать о целом народе, благодаря памятнику великому Абаю.

МАКАРОВ: Происходящее в Украине как-то волнует немцев и тебя лично?

МЕКЕБАЕВ: Конечно. Сейчас всеми обсуждается эта война. Немцы в шоке от того, что происходит на Украине. Есть полное ощущение, что идет возврат в прошлое. В истории такие моменты уже были, да и сейчас во многих местах это происходит: завоевывают земли, бомбят города и уничтожают народы. Мы здесь воспринимаем все происходящее с огромным знаком минус. Украина стала разменной монетой между Америкой и Россией. Европа по большей части никакой роли в этом конфликте не играет. Наступила вновь холодная война между сверхдержавами. И это страшно. Война на территории Европы, и, чем она закончится, никто не знает. Может быть все гораздо хуже, чем даже было с Югославией. В придачу идет война СМИ. Народ заставляют верить только в одну точку зрения и одно видение, забывая, что гибнут мирные люди. Как всегда, политики остаются в стороне от трагедии, а народ страдает. Жизнь, как показывает история, оказалась страшнее любого фильма.

МАКАРОВ: История своего рода тебе хорошо известна?

МЕКЕБАЕВ: Конечно. Казахи делятся на три жуза (территориально): старший, средний и младший. У каждого жуза есть несколько родов. Я отношусь к среднему жузу (северный регион Казахстана), к роду Аргын, который, по версии некоторых исторических источников, относится к гуннским племенам Ар Гунн, что в пере-

воде означает Красивый Гунн, считается интеллигенцией среди нашего народа. Из него, если так можно сказать, всегда выходили и выходят люди творческих профессий: писатели, поэты, акыны, музыканты, сказители, художники... А сама наша фамилия идет от шестого поколения дедов. Мой предок получил имя Мекебай, когда совершил хадж – паломничество в столицу ислама Мекку. Там он и получил статус хаджи и приставку бай, что значит господин. Окончением «-ев» нас наградила социалистическая революция, пришедшая в казахские степи аж в 1918 году.

МАКАРОВ: Детство дает мощнейший импульс для всей жизни человека – «все мы родом из детства». Как и где ты рос?

МЕКЕБАЕВ: Я родился в маленьком периферийном городке Казахстана Кокчетаве, окруженном со всех сторон горами, озерами, лесами. Это почти единственное место на степных просторах Казахстана. Кокчетав переводится как Синегорье.

Хорошо помню себя с трех лет, помню, как на спине моей мамы «ходил» в детский сад, который был через забор от медсанчасти УВД, в которой мама работала фельдшером. Еще отчетливо запомнил, как однажды меня пришел забирать папа. Он сел на лавочку и наблюдал за мной, а я в это время отбирал какую-то игрушку у мальчика Миши. Как только я его заметил, то сразу отдал игрушку и побежал к папе. По дороге домой он объяснял мне, что я себя нехорошо вел. Помню, как мне было стыдно... И помню, как я был счастлив, что именно папа пришел за мной – это была такая редкость.

МАКАРОВ: Как журналиста и писателя, что волновало твоего отца?

МЕКЕБАЕВ: Папа работал в обкоме партии в должности заведующего «культурой и пропагандой». Звали его **Абусаят Хабдуллоевич**, но русские друзья нарекли его Алексеем. С одной стороны, папа безгранично верил в коммунизм, в его лозунги, идеи и вместе с тем видел, что многое происходит неправильно. Идеи о равенстве народа не сходятся с действиями, по которым живут главенствующие партийные деятели. И, будучи журналистом, он начал писать об этом, высказывать свое мнение...

К нам приходили муллы, имамы, и они разговаривали с папой на арабском языке. Папа записывал весь разговор на магнитофон, эти кассеты хранились тоже в том заветном шкафу. Ты представляешь, что такое разговаривать на арабском языке, да еще и с религиозными деятелями, когда уничтожался казахский язык. И все это в то время, когда была только одна религия коммунизма с пророком Лениным.

Папа проводил исторические исследования и раскопал интересные материалы о

депортации народов, по голодомору в Казахстане в тридцатые годы. Позже я все это прочитал, правда, кое-чего не понимая, но многое осталось в моей памяти. Эти документы так и не были опубликованы, и думаю, что никогда не будут опубликованы, потому что в людях, от которых это зависит, до сих пор сидит страх перед начальством и властью. И до тех пор, пока такие люди есть, в моей стране Казахстан будет коммунистический строй и диктатура власти.

МАКАРОВ: Хоть немного, но приоткрой тайну этих рукописей?

МЕКЕБАЕВ: Еще в конце двадцатых годов Иосиф Сталин думал о мировом господстве партии и начал планировать поход на Европу в 1942 году, а для этого ему нужны были свободные территории для переселения неблагонадежных народов. Таких, как поволжские немцы, поляки, западные украинцы, чеченцы, ингуши, корейцы, турки и многие другие. К великому ужасу в 1930 – 1931 годах в Казахстане искусственным путем был организован голодомор. Турция просила Сталина об оказании помощи продовольствием Казахстану, ведь тогда там находилось много соотечественников. Но Сталин отказал. От голода погибло около миллиона казахов. Вот обо всем этом и писал мой папа. И ты думаешь, ему могли это простить?

МАКАРОВ: Как же сложилась его дальнейшая жизнь?

МЕКЕБАЕВ: Папа всегда был прогрессивным, интеллигентным человеком, искренне любящим свой народ. Но соратники по партии распорядились так, как это было «отработано». Папу убирают из обкома и переводят на периферию в райком. Позже изгоняют из партии. Гонения на него начались в начале семидесятых. Потом его сажают в психиатрическую больницу на два года, диагноз – алкоголизм. Папа пишет в Центральный комитет партии о беспределе, который творят местные власти. Из центра приходит короткое письмо с пометкой: «Разобраться на месте». Папу выпустили, и он поехал в Алма-Ату, чтобы доказать свою правоту. Но буквально сразу по приезде его хватают прямо на улице и отправляют в тюрьму. Тут же выискалась

МЕКЕБАЕВ:
ДЛЯ МЕНЯ ТЩЕСЛАВИЕ –
ЭТО ГОРДЫНЯ,
А ГОРДЫНЯ – ЭТО ГРЕХ,
А ВОТ УВАЖАТЬ СЕБЯ
И ТО, ЧТО ТЫ ДЕЛАЕШЬ,
ЭТО ДРУГОЕ.

некая женщина, которой он якобы пообещал выхлопотать квартиру, взяв с нее за это деньги. Позже, уже в тюрьме, его партитивные «друзья» сказали: «Не захотел сидеть два года, будешь сидеть восемь лет».

После скоропалительного суда папу отправили в Зареченскую колонию для бывших партработников под Алма-Ату. Но отсидеть свой срок ему было не суждено. Папа умер через год от сердечного приступа (так было написано в заключении). Это случилось в 1975-м, ему было всего 44 года.

Мама рассказывала, что, когда она нашла папу в тюремном морге, его тело было чистым, а это значит, что вскрытие не проводилось. Она встретила тюремных друзей папы, которые рассказали, что перед тем, как ему утром попасть в морг, вечером они играли в шахматы и папа был совершенно здоров. Кстати, когда мама разговаривала с начальством и колонистами зоны, то все они удивлялись, как и за что могли осудить такого человека. Его все очень уважали и часто приходили к нему за советами.

Когда папа умер, мне было одиннадцать лет, но пришел я к папе на могилу только в двадцать. Кто не был на зоновских могилах, тот, наверное, не поймет меня. Лежат там все вперемежку: мусульмане, христиане... У нас так нельзя:

мусульманское и христианское кладбища стоят раздельно. Но не это страшно, страшно, что вместо памятников стоят ржавые пирамидки, а на них напаяны номера, к примеру, А-4, Б-12 и так далее. Не знаю, по каким причинам все эти люди, что лежат в тех могилах, попали туда, но то, что жизнь их была совсем несладкой и хапнули они горя по полной – это уж точно.

Это был показательный образ строя, в котором они все жили. Мы жили... Это отношение власти к людям. И только по разрешению руководства зоны на могиле моего папы стоит памятник, на котором написано: Мекебаев Абусагит Хабдуллович, 1931 – 1975. Памятник и ограду сварили заключенные, хоронить помогали тоже они, и денег с нас они не взяли из-за уважения к его личности.

МАКАРОВ: Когда ты начал рисовать?

МЕКЕБАЕВ: С детского сада и даже раньше: с тех пор, как научился держать в руке карандаш. Хорошо помню свои детские рисунки, конечно, они не остались, но помню, что на них были маленькие танки, пара-

шюты, индейцы... Как-то раз, когда я был еще в первом классе и мне нужно было идти в школу, а я сел рисовать, мои старшие сестры начали меня ругать и гнать на учебу, а папа, уже видя мое пристрастие, строго сказал им: «Сегодня он в школу не пойдет – он станет великим художником».

Так что некий импульс и, думаю, немалый дал мне папа. В итоге я стал художником, а что до великого, то, конечно же, нет. И моя главная картина еще не написана... Я уверен, что художник учится всю жизнь.

МАКАРОВ: Художники народ тщеславный. А ты?

МЕКЕБАЕВ: Для меня тщеславие – это гордыня, а гордыня – это грех, а вот уважать себя и то, что ты делаешь, это другое. Я люблю сцену – для нас, художников, сцена – это выставки. В самом начале пытался устраивать их везде, где предоставлялась возможность, но теперь стараюсь только в галереях, и то не во всех. Есть уровень профессионалов, которые понимают художника и работают с ним. Таких людей я называю галеристы. А есть галерейщики, по аналогии с бакалейщиками... Это трата времени.

Я не люблю непрофессиональную критику. Не понимаю, когда художникам указывают, как и что нужно делать. Это процесс индивидуальный, который идет от сердца. Все зарождается в душе, в мозгу и воплощается на полотне. Творчество – разговор с самим собой, и когда лезут, говорят, как ты должен чувствовать и что должен сказать, извините, но это полная дуристика. Что же касается всякого рода званий и наград, к ним я отношусь спокойно. Дают – возьму, не дадут – и ради бога.

Я видел, как мои коллеги довольно навязчивы, дабы получить разного рода дипломы и лауреатство, а порой и просто быть приближенными к «небожителям». На это смотреть противно.

МАКАРОВ: Как тебе живется в Германии?

МЕКЕБАЕВ: Мне здесь нравится. Конечно, есть нюансы, к примеру, налоговая политика. Но по большому счету люди не умирают от голода и у каждого есть возможность иметь квартиру, которую оплачивает государство и оказывает социальную помощь. Каждую неделю тебя снабжают продуктами, причем каждого члена семьи, и притом бесплатно. Конечно, есть бомжи и опустившиеся люди, но это те, кто вообще не хочет что-то делать даже для самого себя. Я живу в Берлине, в мегаполисе с огромным темпом жизни, но культура присутствует даже на дорогах. Я ни разу не пытался дать взятку полицейскому, это на ум не приходит.

57

Или идти в государственное учреждение с бутылкой шампанского и коробкой конфет. Здесь перед каждым зданием есть пандусы, на инвалидов не смотрят как на ущербных. В Берлине огромное количество национальностей со своими нравственными устоями и образом жизни, но, приехав сюда, они автоматически принимают законы того общества, в котором живут. Все вежливые и радушные, готовые помочь друг другу.

МАКАРОВ: Ностальгия тебя тоже посещает, или ты стал «человеком мира» и тебе везде хорошо?

МЕКЕБАЕВ: Ностальгия, как чувство, мне хорошо знакома, она и сейчас (не так болезненно, как раньше) присутствует во мне, хотя прошло уже 12 лет, как я уехал с родины. Я казах, и мой народ до сих пор живет общинным строем, семейным кланом. Семья – это все мои близкие и дальние родственники, включая снох и зятьев. Это уклад, образ жизни.

Первое время в Германии было трудно, но я старался не показывать свою боль. Бывали минуты, когда совсем прихватывало, и тогда я садился в машину, уезжал в лес, включал казахские песни и рыдал. Приезжал домой, **Лена** спрашивала, почему у меня красные глаза, а я отвечал, что это от краски...

Ностальгия – это любовь. Любовь к родственникам, друзьям, городу, стране, к прошлому. Это и переживание за свою страну и свой народ, это тоже все ностальгия.

МАКАРОВ: Что для тебя является настоящим, подлинным искусством?

МЕКЕБАЕВ: Когда это талантливо и профессионально. В слово «профессионально» я не вкладываю понятие об окончании какого-либо профессионального учебного заведения. Можно окончить выдающуюся школу и при этом остаться ремесленником. Настоящее – когда автор вытягивает своего зрителя, слушателя на верхнюю ступень своего творения, заставляет его волноваться, думать, сопереживать, искать параллели со своим внутренним миром.

МАКАРОВ: Чего бы хотелось еще сделать в этой жизни?

МЕКЕБАЕВ: Поднять детей и успеть написать финальную картину.

МАКАРОВ: Риторический вопрос: что такое счастье?

МЕКЕБАЕВ: Все, о чем я тебе рассказывал. Я счастливый человек.

Берлин – Таллин
а'

